

Михаил Пойзнер

«Уже только эти слова меня вылечивают...»

2 ноября 2020 г. в Нью-Йорке на 94-м году ушел из жизни легендарный одессит, замечательный писатель Аркадий Львов. Увы! Официальная Одесса долгие годы замалчивала это имя, стараясь не замечать его творчество. И, к большому сожалению, Одесса так и не воздала должное таланту этого признанного во всем мире писателя при жизни.

Может быть, он, как никто другой, после Бабеля, Катаева и Жванецкого, своим романом «Двор» открыл глаза всему свету на наш город. Заставил заинтересоваться и полюбить его. Так или иначе, очень-очень многие, не видя Одессы, погружались в ее мир – мир характеров и ярких индивидуальностей, мир с только нам присущей изюминкой.

...2 сентября 2005 г., в День Одессы, во Всемирном клубе одесситов я познакомился с Аркадием Львовым и его женой Диной – коренной москвичкой, женщиной «с морем симпатии». Дина с огромным интересом смотрела (старалась смотреть) на Одессу и одесситов глазами Аркадия Львова, пытаясь вникнуть в нашу специфику. У нее это неплохо получалось...

К сожалению, Дина вскорости умерла, оставив Аркадия наедине с жизнью и бытовыми проблемами. Потом он приезжал в Одессу сам. Останавливался обычно в «Одесском дворике», что на Успенской угол Маразлиевской.

А поводом для более близкого знакомства послужила почтовая открытка из моей коллекции. Открытка довоенная, присланная в Одессу в его родной дом – Авчинниковский пер., 14. Восточка

адресована некой Э.Б. Ага. Эта караимская фамилия сохранена в произведениях Аркадия Львова. Так, в замечательном рассказе «Ошибка Дюка де Ришелье» (1966 г.) фигурируют Николай Христофорович Ага и его сын Жора – первостроитель Ильичевского порта.

В каждый его приезд из Америки мы встречались во Всемирном клубе одесситов, потом бродили по городу. По городу его детства и воспоминаний. Бывало, сидели в уютной уличной шашлычной «У Джамбула» на Александровском проспекте. Часто подходили к его дому, в Авчинниковский. Аркадий всегда останавливался посередине двора, высоко поднимал голову – показывал рукой, где кто когда-то жил. Называл фамилии, описывал характеры соседей – кто кем работал, кто с кем выяснял отношения. Явно он скучал по тому времени, по тем людям, которые так или иначе навсегда вошли в его жизнь. И это особенно ощущается в его романе «Двор». Новые жильцы дома проходили, до обидного не замечая его. Аркадий провожал их долгим взглядом, уже вслед подмечая даже какие-то мелочи в их поведении...

По выходным я заезжал за ним в «Одесский дворик», и мы двигались на Староконный. Он стремился туда, стремился потолкаться с простыми одесситами. Как-то остановились возле мужчины, торгующего обычными советскими значками. Один покупатель что-то долго высматривал среди значков. «*Шо* вы там шукаете?» – заинтересовался продавец. В ответ: «Тá, нужен значок с Энгельсом». Продавец: «Так берите уже, вот он...». Покупатель: «Нет, нет! Это не то... Здесь он с Карлом Марксом». Тогда продавец по-одесски насторожился: «Стоп! Не понял! А чем вам, собственно, не подходит Карл Маркс? А ну-ка, *шо* вы имеете против Карла Маркса?!».

Аркадий Львов громче всех рассмеялся: «Ты слышишь?! На Староконном уже шьют дело!». Теперь всякий раз «вместо здрасьте» он повторял: «А *шо* вы имеете против Карла Маркса?!» – и только после такого приветствия начинал о чем-то говорить. Иногда он замыкался. Может быть, на Староконном перед ним пробегали картинки из прошлой одесской жизни – послевоенные барахолки, похоронки, безногие калеки, попрошайки. Хотя он мог запросто вступить в разговор с кем-то из местных зевак, а как-то, обняв меня, с грустью произнес: «Ты заметил, что раз от раза размеры Староконного расширяются? Теперь уже все идет от Комсомольской... Люди уже выносят свое...».

А как-то после Староконного заскочили ко мне домой, на Южную. Быстро собрали что-то на стол... За столом Аркадий очень масштабно вспоминал о встрече с Константином Симоновым, Сергеем Баруздиным. Много говорил о Валентине Катаеве (читал его стихотворение об Одессе «Поезд», 1944 г.). И очень бегло о своей работе на радиостанции «Свобода». Причем часто внезапно переходил на украинский язык (передачи на «Свободе» он вел и на украинском языке). Надо сказать, что его украинский был красив и сочен, с акцентом, во многом характерным для жителей Западной Украины.

Здорово читал наизусть отрывок из «Евгения Онегина»: «*Блажен, кто смолоду был молод, блажен, кто вовремя созрел...*». Мы буквально заслушивались мелодией его речи, расставленными ударениями... Может быть, что-то из Пушкина он примерял на себя...

Говоря о каком-то sereneком московском писателе, с сожалением констатировал: «У одних есть характер, у других только черты характера...». Настолько четко и емко, что сразу же можно было представить этого горе-труженика пера.

А как-то на Приморском бульваре мы присели, прислушиваясь к звукам баяна. Исполнитель протяженно напевал: «*Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь...*». Эти слова, очевидно, были созвучны с его душевным настроем. Тогда, присматриваясь к медленно прогуливающимся молодым людям, Аркадий повторил несколько раз:

Нет, мы еще не старые,
но бродит тем не менее
знакомыми бульварами
другое поколение...

Я переспросил: «Это чье наблюдение?». «Да это, кажется, Валентин Пикуль, – ответил он. – А что, ты как-то не согласен?!» Как же не согласиться...

...Иногда мы ходили пешком через Отраду на Ланжерон, непременно заскакивая перехватить в ресторанчик «Пальма». Наш черноморский бычок (кнут или хотя бы бобырь) и пиво. Все остальное разговоры – о море, Молдаванке, одесских ценностях. Он мог бесконечно говорить со вкусом про фиринку, сарганчика или ставридку.

Он мог перебраться несколькими крепкими словами на идиш. Особенно когда оценивал нашу одесскую эмиграцию в Нью-Йорке. Описывал без снисхождения, не обходя острые углы. Ненавидел местечковость, замкнутость, самовозвеличивание...

Не любил лишний раз вспоминать о гонениях в 70-е годы, когда ему пришивали то сионизм, то шпионаж в пользу какого-то государства, то что-то еще. Когда в 76-м вышвырнули из Одессы. Всегда отмахивался: «Да Бог с ними...».

...Как-то заехали на Воронцовку, о которой он всегда вспоминал с любовью. Бросили машину и пешком прошли от Алексеевской церкви и базарчика мимо стены 2-го Христианского кладбища аж до Люстдорфской дороги. Шли медленно, под разговоры

о старой Одессе, оккупации, людях с большой и малой буквы... Чуть задумавшись, он как бы подвел итог: «Играть кого-то другого намного легче, чем быть самим собой...» О себе говорил: «*Всем нужен, а по-настоящему никому...*». Я, конечно, возражал... А как-то весело про какого-то хитреца-приспособленца в литературе: «*Это разве Троянский конь?! Оставьте меня – это всего лишь Троянский... пони*».

...На первом томе шеститомного собрания сочинений (2002 г.) он написал мне: «*Михаилу Пойзнеру... который знает за космос столько, что автору остается только немножко добавить за нашу Одессу, за одесситов и всех других людей на Земле, чтобы картина сделалась чуточку полнее...*». И он таки хорошо добавил за Одессу! А я же навсегда запомнил его высказывание (а может, перефразированную им мысль какого-то философа): «*Настоящее искусство всегда завершает то, что оставила незавершенным природа*». Не этому ли принципу всегда следовал Аркадий Львов в своем творчестве?!

...Последний раз я говорил с ним 9 марта 2020 г. – в день его 93-летия. К телефону подошла женщина. В чисто одесском стиле: «Это кто? Зачем он нужен?». А потом: «Аркадий, это из твоей Одессы, какой-то Пойзнер...».

Аркадий долго подходил. Болезнь брала свое... Я пытался подбодрить: «Аркадий, брось! Все болеют, только зацепи... Лучше вспомни за наши походы на Староконный. А Ланжерон с Аркадией?! А Авчинниковский?!». Аркадий прервал мои перечисления: «*Дорогой мой! Спасибо! Уже только эти слова меня вылечивают...*».

Одесса всегда перед глазами!

Одесса всегда манила, напоминала, ждала!

Одесса – эта незаживающая рана...

Таким был Аркадий Львов, обычный необычный одесский человек с американской пропиской. Большой художник, классик не только одесского масштаба. Гордость Одессы, ее слава. Этот неисправимый романтик, он был американцем только на бумаге, оставаясь навсегда одесситом, не изменив ни времени, ни себе.

...Как-то Аркадий заговорил об Америке, о других странах, где приходилось бывать. При этом он с грустью пошутил как бы про самого себя:

Жил отважный капитан,
Он объездил много стран
И не раз он бороздил океан...

Жил! И продолжает жить в наших сердцах.
Аркадий Львов не может быть забыт.
Память о нем должна быть увековечена в Одессе.

